

ОТЕЦ И СЫН ГУЛЯЕВЫ

1. ОТЕЦ

Имя Степана Ивановича Гуляева широко известно не только на Алтае. Казалось бы, в его биографии не должно остаться «белых пятен». Тем не менее, они есть. Так, годом рождения его считается 1805, это сказано во всех публикациях о нем. Но сын его Николай Степанович, архивариус Алтайского округа, называет 1803. А если заглянуть в служебные формуляры С. И. Гуляева и вычесть из года их составления возраст (в них указывался только возраст), то получим такие даты рождения: 1806 (дважды), 1807 и даже 1808! А ведь формуляры заполнялись, должны были заполняться с его слов!..

Как ни странно, Степан Иванович сам не знал, когда он родился. Живя в Петербурге, он обратился с этим вопросом к оставшимся на Алтае родственникам. И вот что ответил ему 24 января 1834 г. младший брат Василий Иванович:

«Извещаю Вас, любезный братец... Вы родились в 1806 году июля 28 дня, восприемниками были дядюшка Иван Степанович с женой покойного Кабинетного секретаря Алексея Басина Степанидой Кузьмовной, а 2-м восприемником – покойный брат Федор Ефтифьевич с женой унтер-шихтмейстера Андрея Чургутанова Настасьей Ивановой. Крещение произведено священником Змеиногорской Преображенской церкви Никитой Одинцовым³...»

Сведения эти, столь подробные, Василий Иванович взял, очевидно, из церковной книги или от матери (отец к тому времени умер). Словом, в достоверности их сомневаться не приходится.

³ Тишкина Т. В. *Некоторые сведения о С. И. Гуляеве и его родственниках // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998. С. 116.*

Итак, благодаря Татьяне Владимировне Тишкиной, одним «белым пятном» в биографии С. И. Гуляева стало меньше.

Но осталось еще одно. Во всех публикациях о С. И. Гуляеве место его рождения названо так: «село Алейское Колывано-Воскресенского (или Алтайского) горного округа». Но сохранилось ли это село, а если да, то каков его современный адрес? Об этом нигде – ни слова.

Рискну высказать предположение, что это – село Староалейское Третьяковского района, основанное в 1766 г. К сожалению, это всего лишь предположение. Подтвердить или опровергнуть его можно было бы «ревизской сказкой» по названному селу, но документов последних двух ревизий в краевом госархиве нет.

А в остальном жизнь и деятельность нашего замечательного земляка достаточно изучены, не раз описаны, и мне остается лишь пересказать самое существенное.

Отец его имел горный чин унтер-шихтмейстера (соответствует сержанту) служил на Локтевском сереброплавильном заводе, мать была дочерью казака – потомка сибирских землепроходцев, пожалованного через 25 лет беспорочной службы чином прапорщика. Почти все заботы по дому и хозяйству лежали на матери. Это была веселая, добрая, работающая и к тому же грамотная женщина (редкий случай по тем временам). Она научила сына читать и писать, всячески поощряла его неутолимую любознательность. Степана в семье прозвали «Почемучкиным». Им он и остался до седых волос.

Позже Степан Иванович так вспоминал о своей матери:

«Это была энергичная красивая женщина, каких немного встречалось мне в жизни... Она имела отличный голос и пела много народных и обрядовых песен...»

Когда он увлекся этнографией и фольклористикой, мать стала активной его помощницей.

В 1827 г., по окончании Барнаульского горного училища, Степан Гуляев, как лучший из лучших, был направлен в Петербург писцом Горного отделения Кабинета.

Достаточно вспомнить гоголевского Акакия Акакиевича, чтобы представить, насколько несправным было положение мелкого канцеляриста, каким нудным и отупляющим был его труд.

Но Гуляев не стал Акакием Акакиевичем. Он посещает вечерние классы Академии художеств (у него давняя склонность к рисованию),

музеи, выставки, заводит знакомства с интересными людьми. Одним из них был Якушкин Павел Иванович, писатель, фольклорист, этнограф. Под видом коробейника ходил он по деревням, записывал песни, пословицы, поговорки. Был в близких отношениях с Н. А. Некрасовым. Тот изобразил его под именем Павлуши Веретенникова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги.
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
...Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку –
Пять раз спойт – записывай!
Понравится пословица –
Пословицу пиши!

Якушкин был не первый и не последний. В. Г. Белинский недаром писал в те дни: «Какой благодарности заслуживают те скромные и бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и пожертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения».

Одним из таких скромных тружеников был и Степан Гуляев. Ходить вместе с Якушкиным по деревням он не мог, поэтому одолевает родных и близких просьбами присылать песни, былины, подробнее описывать старинные свадебные и другие обряды. Чаше, чем к другим, обращается к «любезной маменьке», и та охотно помогает ему.

Его увлечению фольклором немало способствовало знакомство с крупным ученым-лингвистом, профессором Петербургского университета И. И. Срезневским, от которого он получал, наверное, особенно в первое время, немалую помощь и советы при написании своих статей по фольклористике. Гуляев был постоянным посетителем «суббот» Срезневского, где предположительно встречался с Н. А. Добролюбовым, в то время студентом Главного педагогического института.

В 1839 г. С. И. Гуляев публикует в журнале «Отечественные записки» свой первый очерк «О сибирских круговых песнях», а через несколько лет в «Библиотеке для чтения» – «Этнографические очерки Южной Сибири». В два этих очерка вошло 150 народных песен. Известно, что их внимательно изучал драматург А. Н. Островский. Он пометил в них 71 слово.

Но фольклором не ограничиваются интересы С. И. Гуляева. В 1845 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется его статья «Алтайские каменщики» – о людях, бежавших от притеснений властей и церкви в «Камень» (в горы) на поиски обетованной земли – Беловодья.

Вскоре он представляет в Вольно-экономическое общество сразу три статьи: о сибирском рогозе, алтайском ревене и сибирской кошенили (вид насекомых), за что избирается его корреспондентом. Это было первое Русское научное общество, оно содействовало развитию сельского хозяйства, вело статистические исследования и т. д. Его членами были: Д. И. Менделеев, В. П. Докучаев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Л. Н. Толстой и др.

В 1852–1853 гг. в «Вестнике Императорского Русского географического общества» и других изданиях С. И. Гуляев публикует статьи о Кулундинской степи, глинистом сланце, графите и др., после чего избирается членом-сотрудником ИРГО.

Занимается он и прошлым Алтая. В 1858 г. в «Вестнике промышленности» появляется его статья «О механике Ползунове».

Это была первая публикация о гениальном изобретателе, к тому времени основательно забытом даже на Алтае. Об истории появления статьи так рассказал, со слов отца, его сын Николай Степанович Гуляев: «Как-то у профессора Срезневского собрались гости, и разговор зашел о паровых машинах. Говорили о недостатке механизмов в России, и отец поразил компанию словами: «Господа! Первая паровая машина давно применена к действию у нас в Сибири нашим механиком-самоучкой Иваном Ивановичем Ползуновым».

Компания удивилась, не хотели верить, никто не слышал про Ползунова. Отец обещал им напечатать историю устройства Ползуновым машины».

Это же подтвердил и сам С. И. Гуляев в письме редактору журнала «Вестник промышленности»: «Поводом к этому (к написанию статьи – *В. Г.*) было выраженное однажды сомнение в постройке

у нас до Ватта (Уатта – В. Г.) еще паровой машины неизвестным в ученном мире механиком».

Таким образом, находясь более 30 лет вдали от Алтая, Гуляев не только не порвал связи с ним, но стал видным знатоком его устного народного творчества, природных богатств, истории.

Счастливо сложилась и его семейная жизнь. Он был приглашен давать уроки 13-летней дочери видного чиновника Пояркова Филиппа Николаевича. Учитель и ученица полюбили друг друга, и когда ей исполнилось 16 лет, они поженились. Всего у них родилось десять детей, в живых осталось шестеро: три сына и три дочери.

Понемногу продвигался С. И. Гуляев и по служебной лестнице: за 30 лет дослужился от старшего писаря до коллежского асессора (соответствует капитану).

В 1859 г. ему предложили место советника отделения частных золотых промыслов в Алтайском горном округе. Он охотно согласился. Представилась возможность еще лучше послужить родному краю. Ну и, конечно, не последнюю роль для него, отца шестерых детей, сыграли и материальные соображения: жизнь в Барнауле была намного дешевле, чем в столице.

Гуляеву было уже 43 года, но энергия в нем, как говорят, была ключом. По приезду в Барнаул он засыпает Вольно-экономическое общество, частных лиц разных городов просьбами о высылке семян табака, помидоров, китайского клевера, саженцев яблонь, бука, ясеня и пр. В свою очередь сам рассылает по множеству адресов семена облепихи, дикого чеснока, лука и т. д.

В 1864 г. Вольно-экономическое общество за успехи в разведении американского и турецкого табака награждает его Большой серебряной медалью. Гуляева не останавливает, что у него нет еще своего дома, своей усадьбы, и он вынужден для своих многочисленных опытов арендовать участок земли.

Первым на Алтае он осуществляет опытный посев сахарной свеклы и широко рекламирует ее. Откликнулся лишь германский подданный Август Брокмиллер. Получив отвод в 100 десятин близ села Малышево Барнаульского округа (ныне это село – в Новосибирской области), он начал выращивать сахарную свеклу, в 1862 г. построил первый в Сибири сахарный завод, на котором за 1862–1865 гг. было произведено 2400 пудов сахара. Но через три года завод был закрыт за незаконное производство спирта.

Призывы к развитию свекловодства и сахароварения – лишь один эпизод в кипучей деятельности Гуляева. Неугомонный старик переполнен замыслами и проектами. То он ратует за развитие тонкорунного овцеводства на Алтае, а заодно и племенного свиноводства, то призывает к развешиванию рыболовства на Телецком озере, то к посевам карлика (дикой гречихи), то шьет дешевую обувь из промасленного холста и нахваливает ее друзьям и знакомым. Многие его проекты умирают в зародыше, но он не падает духом. Отвергли холщовую обувь – учит кустарей, как делать плетеную мебель или соломенные шляпы. Увлечшись шляпами, он изобрел способ хорошо отбеливать солому, делать ее гибкой и эластичной. Шляпы, сделанные по его методу местными кустарями, хорошо расходились не только на Алтае, но и по городам Сибири.

Осенью 1866 г. крестьянин из Ново-Белокурихи Иван Казанцев рассказал Гуляеву, что в их селе бьют теплые ключи, их вода помогает от некоторых болезней, ее охотно пьют скот. Гуляев задумался целью открыть лечебницу на Белокурихинских минеральных источниках. Получив результаты химического анализа, написал в «Вестник ИРГО», газету «Томские губернские ведомости», ответа не дождался. Обратился в Министерство здравоохранения с проектом организации в Белокурихе всероссийской здравницы, проект был отклонен «за неимением средств». Тогда на собственные средства построил скромную лечебницу. Больные пользовались ею бесплатно.

Широко известна изобретенная С. И. Гуляевым черная краска для овчин, сделавшая окрашенные ею полушубки («барнаулки») знаменитыми на всю Россию. А началось так. Однажды к нему обратился бедный барнаульский шубник Семен Лапин. Его шубы не находили спроса из-за плохого качества овчин, а хорошую краску он, сколько ни бился, извел последние гроши, но сделать не сумел. Мог ли Гуляев отказать? И вот вечер за вечером он перемешивает и кипятит разные растворы, отвары трав, руки его чернее сажи, домашние ходят, зажав носы, но, наконец, краска получена! Овчина, выкрашенная ею, становится черной и мягкой, как бархат. Через несколько дней Лапин приходит, падает на колени и от чистого сердца протягивает три рубля – все, что у него есть!..

Лапинскую трешку Гуляев до конца жизни хранил как реликвию, показывая друзьям. Это был единственный доход, который он

получил от своего изобретения, сделавшего Лапина богачом. Гуляев лишь взял с него слово не продавать полушубки по высокой цене. Существует предание, что Лапин слова не сдержал, и когда Гуляев упрекнул его в стяжательстве, тот якобы ответил, что это обещание касается лишь Гуляева, а не всех покупателей. Степану же Ивановичу он готов даже подарить самую лучшую шубу. Сколько в этом слухе правды – Бог весть...

Многие барнаульские обыватели считали Гуляева чудачком за несвойственные крупному чиновнику – статскому советнику, занятия.

Чудачком он прослыл и по другой причине. Должность Гуляева была воистину «золотой»: от него во многом зависело, дать или не дать ход заявке на разработку золотоносной россыпи, и заявитель не скупился на «благодарность». Но Гуляев с негодованием отвергал взятку. Он облагал служителей золотых промыслов другой «данью»: просил присылать ему записи народных песен, пословицы, поговорки, а также «камушки» (образцы минералов) и кости редких животных.

Когда «золотой советник» переезжал на очередную квартиру, барнаульцы диву давались: у других господ возы ломились от добра, а у этого – ящики с камнями и костями, книжки да бумаги...

В 1862 г. С. И. Гуляев на свои скромные средства открыл небольшую платную библиотеку, но вскоре вынужден был продать ее: уважаемые барнаульцы тратиться на чтение книжек не захотели, а содержать ее бесплатной вечно бедствующему, обремененному большой семьей Гуляеву было не под силу.

Он основал типографию (заведовал ею старший сын Александр), время от времени устраивал у себя литературные чтения для молодежи; боролся за включение в программу духовного училища большего числа общеобразовательных предметов, выступал за открытие гимназии в Барнауле, университета в Сибири; состоял кандидатом в члены совета Общества попечения о начальном образовании в Барнауле.

А еще он был, как известно, членом одиннадцати научных российских обществ, поддерживал с ними связь, участвовал в их работе. Остается лишь удивляться: как его на все хватало?..

Своим домом С. И. Гуляев обзавелся лишь в 1865 г., через шесть лет после переезда в Барнаул (купил в рассрочку). Здесь бывали

Г. Н. Потанин, французский археолог Г. Менье, немецкий зоолог и путешественник А. Брем, автор шеститомного труда «Жизнь животных». Гуляев подарил ему три черепа носорога, найденные на берегах Оби и Чумыша.

Надо сказать, что, как коллекционер, С. И. Гуляев не был скопидомом. Многие ценные книги и рукописи он передал в Императорскую публичную библиотеку, в Императорское Русское историческое общество; образчики серебро-свинцовых и медных руд, сибирской монеты он выслал даже в Прагу. Руководствовался при этом отнюдь не материальной выгодой, а лишь желанием, чтобы от его находок была польза для науки.

В дом С. И. Гуляева приходили письма от П. П. Семенова-Тян-Шанского, В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, И. И. Срезневского и др.

Ну а для местной интеллигенции его дом был своего рода клубом. Сюда собирались посмотреть богатые минералогические и палеонтологические коллекции, старинные книги, а больше всего – послушать хозяина – «ходячую энциклопедию» Алтая, чудаковатого умницу – бессребренника, влюбленного в свои камушки, древние кости, папки с записями народных песен и былин...

Высокий, атлетически сложенный, с неизменной трубкой во рту под пышными седыми усами, до глубокой старости не разучившийся удивляться и увлекаться, он был одним из тех милых, добрых, мудрых стариков, которых нельзя не любить и уважать.

Вероятно, не все родные и близкие С. И. Гуляева одобряли его «чужачества».

«Меня упрекают, – писал он незадолго до смерти своему родственнику и первому биографу И. Я. Словцову, – что я сижу за камушками... Они хотят отнять у меня то удовольствие, которое составляет потребность моей натуры, они желали бы, чтобы я, попав в чиновничью колею, погрузился бы в ней, как улитка в раковину... Забавно бы вам (было бы) слышать, наверно, от кого-нибудь укоризны за то, что вы занимаетесь, кроме службы, разными науками. Да без этого жизнь человека мыслящего была бы тягостью!...»

И в преклонные годы рабочий день С. И. Гуляева начинался в 6 часов, а заканчивался в полночь и позже. Годы, казалось, не старили этого здоровяка, только ноги в последнее время стали подводить, пришлось обзавестись палочкой. Утром он копался в огороде или в саду, потом шагал на службу. Служил до последнего дня, ибо

пенсии не хватало. Ну а вечером – семья, друзья, заезжие гости, писание статей и писем. Только за барнаульский период их (писем) зарегистрировано 2870!

Похоже, человек, не одно десятилетие управлявший «золотым столом» и до последнего дня служивший, уже находясь на пенсии, не имел и ста рублей на «черный день». Вот что писал он И. Я. Словцову незадолго до смерти:

«...Не знаю, что мне делать? Было три билета внутреннего займа, и те заложены. Любезная супруга настаивает, чтобы продал дом и купил другой, маленький. Предлагать подобные советы легко, но как исполнять? Да и дом-то стоит 800 рублей, не больше...»

Забежим вперед.

После смерти Степана Ивановича, вдова его Александра Филипповна, обращаясь в управление округа за пособием, писала, что муж ей «ничего не оставил, кроме скромной пенсии, полуразрушенного дома, долгов и честного имени».

Наверное, не случайно и первый биограф С. И. Гуляева И. Я. Словцов эпиграфом для своей работы «Степан Иванович Гуляев. Библиографический очерк», изданной в Омске в 1891 г., избрал автоэпитафию известного русского поэта XVIII в. И. И. Хемницера: «Жил честно, целый век трудился и умер наг, как наг родился».

14 мая 1888 г. С. И. Гуляев, уже безнадежно больной (у него был отек легких), получил письмо от вице-председателя Императорского Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского с просьбой принять участие в работе Этнографического отдела Общества.

– Вот, – слабым голосом похвалился Степан Иванович родным. – Приятное письмо получил... Видно, не забыли меня... Но поздно...

К вечеру его не стало...

На могиле его, стараниями родственников, был установлен оригинальный памятник: каменный земной шар на массивной четырехгранной тумбе, к шару как бы прислонена каменная же раскрытая книга. На памятнике – надпись: «Тот достаточно потрудился, кто честно искал истину»; на книге – выдержка из 127-го псалма: «Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его».

Могилы С. И. Гуляева, как и все Нагорное кладбище, была варварски уничтожена в середине 20-х гг. теперь уже прошлого века,

а памятник вместе с другими надгробиями людей, составляющих славу и гордость Алтая, раздроблен и крошка использована для мощения улиц...

Сохранилась лишь фотография памятника.

Именем С. И. Гуляева была названа небольшая окраинная улочка (быв. Иванов Лог) близ Знаменской церкви (ныне – женский монастырь). Но и она исчезла после застройки того района.

Но Степан Иванович Гуляев не забыт и не мог быть забыт, для того он «достаточно потрудился» на благо родного края. Всех его занятий и увлечений глазом не охватишь, но главная его заслуга, по общему признанию – русская фольклористика Сибири. При жизни он не смог опубликовать в полном объеме собранный им материал. Лишь небольшие подборки фольклорных текстов появились в дореволюционных изданиях и периодике.

Только в 1952 г. в Новосибирске были изданы «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева». А в 1988 г. в Барнауле вышло второе, дополненное издание под названием «Былины и песни Алтая. Из собрания С. И. Гуляева» (составитель и автор предисловия – новосибирский историк Юрий Львович Троицкий).

Но и это издание – далеко не полное. Не собрано до 150 его статей и заметок, в основном краеведческих. Немалый научный интерес представляет и его богатое эпистолярное наследие. Это подтверждается небольшой подборкой писем, включенных Ю. Л. Троицким в барнаульское издание. Недостаточно еще, как я полагаю, изучен и богатейший архивный фонд С. И. и Н. С. Гуляевых.

Историк, этнограф, фольклорист, изобретатель, подлинный подвижник по своей натуре Степан Иванович Гуляев – одна из самых ярких фигур среди алтайских краеведов.

2. СЫН

Николай Степанович Гуляев родился в 1851 г. в Санкт-Петербурге, где служил в то время отец. В восьмилетнем возрасте с родителями переехал в Барнаул. Здесь окончил окружное училище, затем Томскую гимназию (1871) и поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда в 1873 г. был отчислен «как пробывший два года на первом курсе и переводного экзамена не выдержавший». Поступил в Казанский университет,